

А. Е. Бурцев

**Обстоятельное библиографическое описание
редких и замечательных книг, брошюр,
художественных изданий**

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б91

- Б91 **Бурцев А.Е.**
Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг, брошюр, художественных изданий: Том 6 / А. Е. Бурцев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 332 с.

ISBN 978-5-518-06124-8

Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг, брошюр, художественных изданий, старых и новых рукописей, гравюр грамот, портретов, лубочных картинок, указов и разных летучих листов с пояснительными замечаниями и полными перепечатками более редких книг и других библиографических материалов.

ISBN 978-5-518-06124-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Байронъ, Джорджъ-Ноэль Гордонъ, лордъ.

Одинъ изъ величайшихъ поэтовъ; род. въ Лондонѣ въ Голь-Стритѣ
22-го января 1788 года, ум. въ 1824 году.

соціалій. 2) Уставъ народнаго банка, Прудона. 3) Уставъ международной ассоціаціи рабочихъ.—Это изданіе въ настоящее время рѣдкое.

1686. Рабочій трудъ въ западной Европѣ. Проф. Г. Геркнера. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія. С.-Петербургъ. Типо-литографія А. Лейферта, 1899 года.— Въ 8 л. л., 2+512+XXXIX стр.

Книга весьма удобна для первоначальнаго знакомства съ предметомъ. Изложеніе очень живое.

Въ началѣ книги слѣдуетъ нѣсколько словъ отъ автора, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее:

«Въ теченіе послѣднихъ недѣль вѣвсьма распространенныхъ и вліятельныхъ органахъ германской ежедневной печати возобновилась чрезвычайно оживленная борьба противъ извѣстной части гер-

манскихъ профессоровъ. При этомъ пытались даже побудить государственную власть выступить противъ нихъ.

Подобная травля происходила уже не разъ. Со стороны будущихъ поколѣній теперешній походъ подвергнется, конечно, такому же рѣшительному осужденію, съ какимъ нынѣ всѣ относятся къ мѣрамъ, жертвою которыхъ въ первой половинѣ этого вѣка пали ученые конститутіонаго и національнаго направленія.

Различіе только въ томъ, что въ дореволюціонное время атака противъ нѣкоторыхъ ученыхъ исходила обыкновенно изъ среды относительно небольшихъ группъ, часто только со стороны отдѣльных личностей, тогда какъ современныя нападки на университетскихъ политико-экономовъ, несомнѣнно, пользуются сердечнымъ сочувствіемъ боль-

шой части не только консерваторовъ, но и такихъ бюргеровъ, которые считаютъ себя либералами.

Лично я машель въ этомъ инцидентѣ только подтвержденіе той мысли, которая возникла у меня уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ: что германскіе профессора слишкомъ мало еще потрудились надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать доступными и для широкой публики результаты своей научной работы.

Конечно, само по себѣ было бы правильнѣе, если бы профессоръ посвятилъ себя исключительно образованію своихъ учениковъ и самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, предоставивъ популяризацию своихъ изысканій литературнымъ силамъ по преимуществу.

Но на дѣлѣ число такихъ писателей, которые обладаютъ достаточной независимостью, способностью и охотой, чтобы стоять на высотѣ этой задачи, у насъ еще чересчуръ незначительно. Поэтому, если нежелательно, чтобы расширился и углублялся опасный расколъ между экономическими и социальными-политическими воззрѣніями публики и ученыхъ, то, думается, ученый не можетъ отказаться отъ обязанности самолично работать надъ широкимъ распространеніемъ своихъ научныхъ убѣжденій.

Этимъ соображеніямъ обязанъ своимъ возникновеніемъ настоящій мой трудъ. Дружескій приемъ, встрѣченный моимъ скромнымъ опытомъ, побудилъ меня отложить планы другихъ работъ и посвятить еще три года этому произведенію.

Такимъ образомъ, первое изданіе настолько переработано и расширено, что предлагаемое второе изданіе болѣе чѣмъ вдвое превосходитъ его объемомъ.

Работа была закончена въ сущности въ концѣ 1896 г. Поэтому, къ сожалѣнію, оказалось невозможнымъ опредѣлить свое отношеніе къ цѣлому ряду новѣйшихъ произведеній социальными-политической литературы, хотя сама по себѣ эта задача представлялась весьма заманчивой. Имѣю въ виду особенно блестящее произведеніе моего Бреславскаго коллеги В. Зомбарта «Соціализмъ и социальное движеніе въ 19 столѣтіи» (Лена, 1896).

А затѣмъ пожелаю, чтобы моей книгѣ выпало на долю сохранить старыхъ друзей, приобрести новыхъ и послужить великому національному дѣлу социальнаго прогресса.

1687. Ради-отдыха. Сцены изъ моря житейскаго и туры на колесахъ. Москва, въ типографіи Орлова. 1875 года.— Въ 16 д. л., 64 стр.

Это юмористическое сочиненіе, написанное примованною прозою, въ которомъ припоминается о московскомъ прежнемъ житіи-бытіи. Собственно «Ради отдыха» помѣщено на первыхъ 53 страницахъ, а съ 47 стр. начинается юмористическое сочиненіе «Туры на колесахъ».

1688. Разбойники. Трагедія Шиллера, переводъ съ нѣмецкаго Сандунова. Москва. 1793 года.— Въ 8 д. л.

Трагедія въ переводѣ Н. Сандунова въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія цѣнятся отъ 5 до 10 рублей, смотря по степени сохранности.



Чуркинъ, Василій.

Извѣстный разбойникъ и мошенникъ. Снимокъ съ портрета, приложеннаго къ книгѣ Н. И. Пастухова «Разбойникъ Чуркинъ, народное сказаніе».

1689. Разбойникъ Чуркинъ, народное сказаніе «Стараго Знакомаго». — Сочиненіе Н. И. Пастухова. 1883 года.— Въ 8 д. л., въ 5 частяхъ, въ 3 томахъ.— 1-й томъ



Арестъ разбойника Чуркина.

Рисунокъ изъ книги Н. Пастухова „Разбойникъ Чуркинъ народное сказаніе“.

По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

484 стр., 2-й томъ 464 стр., 3-й томъ 640 стр., со многими рисунками.

Весьма любопытное сочиненіе Н. Пастухова о знаменитомъ разбойникѣ Василіѣ Чуркинѣ, въ свое время наводившемъ паническій страхъ своими смѣлыми набѣгами, разбоями и грабежами на жителей Богородскаго уѣзда и сосѣднихъ съ ними уѣздовъ губерній Владимірской, Рязанской и другихъ. Онъ — уроженецъ подмосковной деревни Барской, Богородскаго уѣзда, брюнетъ, выше средняго роста, плотнаго тѣлосложенія, широкоплечій, быстрый и смѣлый въ своихъ движеніяхъ, какъ тигръ. Подъ командой такого-то человѣка была цѣлая шайка головорѣзовъ, бѣжавшихъ съ каторги. Разгуливая по Богородскому уѣзду, Чуркинъ имѣлъ свою полицію, состоящую изъ пастуховъ Зубцовскаго уѣзда и нѣкоторыхъ другихъ крестьянъ, съ которыми онъ водилъ хлѣбъ-соль. Вотъ о немъ-то я и хочу повѣдать читателямъ и рассказать его замѣчательныя похождения.

Съ молодыхъ лѣтъ, разбойникъ этотъ началъ заниматься сбытомъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и кражами; три раза онъ бѣгалъ изъ подъ стражи и наконецъ по рѣшенію Владимірскаго окружнаго суда, какъ намъ помнится, въ 1873 году, былъ заключенъ въ арестантскія роты. Но не долго онъ погостилъ тамъ: однажды выбралъ удобный случай и бѣжалъ оттуда.

Вся полиція Владимірской и Московской губерній была поставлена на ноги для розысковъ этого атлета. Да и какъ было его не розыскивать! Кромѣ преступленій, совершенныхъ имъ во Владимірской губерніи, онъ находился подъ слѣдствіемъ у одного судебнаго слѣдователя Москвы, за сбытъ фальшивыхъ денегъ и за составленіе разбойничьихъ шайкъ. Слѣдователь Богородскаго уѣзда розыскивалъ его, по обвиненію въ кражѣ двухъ коровъ и лошадей у крестьянина деревни Автоновой и въ убійствѣ сельскаго старосты деревни Ляховой, Петра Кирова.

Во время розысковъ разбойника, до полиціи доходили слухи, что его видѣли, то въ той, то въ другой деревнѣ, но схватить не могли, или-же боялись. Однажды становой приставъ I-го стана Богородскаго уѣзда, какъ-то случайно, въ августѣ мѣсяцъ того же года, пріѣхалъ на Фаустовскую станцію Рязанской желѣзной дороги, и войдя въ залъ, замѣтилъ у буфета знакомую ему фигуру человѣка, который какъ будто старался быть не

узнаннымъ имъ. Становой не разъ видалъ Чуркина, и потому сейчасъ узналъ его въ личности, стоящей у буфета. Ударивъ разбойника по плечу, становой громко сказалъ:

— Здорово, Чуркинъ!

— Здравія желаемъ, отвѣчалъ тотъ, снявъ съ головы картузь и нязко кланяясь ему.

— Какъ ты сюда попалъ любезный? Мы тебя давно ужъ ищемъ.

— Ну, вотъ, берите теперь, если я вамъ нуженъ.

— Попался, братъ, извини, теперь уже не улизнешь!

— Быть по вашему; не теперь, такъ послѣ убѣгу, отвѣчалъ разбойникъ, глотая стаканъ водки.

Около буфета сгруппировалась толпа любопытныхъ, съ какою-то жадностію вглядывавшихся въ лицо смѣлаго разбойника, который стоялъ передъ нею, какъ листъ передъ травой, поглядывая на всѣхъ волкомъ. Онъ понялъ, что сопротивляться было невозможно, и отдался безпрекословно въ руки становому. Наряженъ былъ усиленный конвой сотскихъ и крестьянъ, вооруженныхъ дубинами; достали гдѣ-то кандалы, сковали Чуркина по рукамъ и по ногамъ и отправили въ г. Богородскъ, гдѣ судебный слѣдователь распорядился посадить его въ мѣстную тюрьму.

— Въ общую прикажете? спросили у слѣдователя.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же! Ему нужно оказать почетъ, посадите его въ одиночную камеру.

— Покорно благодарю, ваше благородіе, за такое ко мнѣ вниманіе, сказалъ Чуркинъ и отправился на казенную квартиру.

— Никого не пускать къ нему на свиданіе! приказалъ затѣмъ слѣдователь полицейскимъ.

— А если родные пожелаютъ съ нимъ повидаться?

— Никого не допускать! повторилъ слѣдователь.

Опустивъ на грудь голову, шелъ Чуркинъ по направленію къ тюрьмѣ. Въ головѣ его ронились мысли о томъ, какимъ-бы это образомъ, находясь въ одиночной камерѣ, перекинуться нѣсколькими словами съ арестантами и узнать, каковъ у нихъ смотритель тюрьмы. Съ этими мыслями онъ и вошелъ въ мѣсто своего новаго жительства.

Сидитъ Чуркинъ въ тюрьмѣ день, сидитъ не-

дѣлю, и никакъ не изловчится повидаться съ своими сосѣдями-арестантами. Тогда онъ прикинулся агненкомъ, сошелся съ тюремщиками, и вотъ, благодаря ихъ ходатайству, его выпустили въ корридоръ.

Арестанты знали Чуркина и, какъ своего атamana, встрѣтили съ необычайнымъ уваженіемъ; увидавъ въ числѣ ихъ знакомаго ему арестанта Балабасова, онъ мигнулъ другимъ, чтобы они отошли къ сторонкѣ, что тѣ и сдѣлали. Балабасовъ былъ извѣстный воръ; рука его ни разу не дрогнула передъ своею жертвою, хотя-бы пришлось пролить ея кровь. Чуркинъ хорошо это зналъ, а потому и вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

— А что, каковъ у васъ смотритель? спросилъ Чуркинъ.

— Ничего, баринъ хорошій.

— Припошенія принимаетъ?

— Да, не отказывается.

— Вотъ это-то мнѣ и нужно было знать. Правду-ли ты только говоришь, какъ-бы дѣла-то не испортить?

— Вѣрно; что мнѣ тебя обманывать, отвѣчалъ Балабасовъ.

— А можно отсюда женѣ грамотку послать?

— Я думаю, можно—черезъ тюремщика.

— Если смотрителю дать какой нибудь подарокъ, дозволить онъ или нѣтъ мнѣ съ женой видѣться?

— Дозволить: къ другимъ допускаетъ, мы видимъ.

— Что-жъ ему подарить?

— Сукна вѣмецкаго на сюртукъ, да рубликовъ пять денегъ, и будетъ на первый разъ.

— Ну, а бумажкой и карандашемъ можно у васъ раздобыться?

— Есть, сейчасъ доставлю, тихо сказалъ Балабасовъ и скрылся въ общую камеру.

Получивъ бумагу и карандашъ, разбойникъ отправился въ свою камеру, написалъ записку женѣ по извѣстному адресу, на одинъ изъ городскихъ постоялыхъ дворовъ, передалъ ее Балабасову, а тотъ упросилъ тюремщика доставить вѣсточку по назначенію.

На другой день, утромъ, хитрая молоденькая жена Чуркина вошла въ квартиру смотрителя тюрьмы; тотъ вышелъ къ ней и увидавъ, въ рукахъ ея узелокъ, спросилъ:

— Ты что, голубушка, скажешь?

— Къ вамъ, ваше благородіе, съ прошеніемъ пришла, сказала та.

— О чемъ такое?

— Мужъ мой въ острогѣ сидитъ, повидаться съ нимъ желала бы.

— Кто твой мужъ?

— Василий Чуркинъ.

— Разбойникъ-то этотъ! Нѣтъ, допустить не могу.

— Будь отецъ родной, хотъ одинъ разокъ дозволь его видѣть; какой онъ разбойникъ, напраслину на него только взводятъ, потряхивая узелкомъ, кланялась въ поясъ баба.

— Что это къ нему въ сверткѣ-то несешь?

— Это не къ нему, родимый, а тебѣ подарокъ принесла, подавая ему узелокъ, вкрадчивымъ голосомъ заговорила хитрая женщина.

Смотритель взявъ у ней узелокъ, отправился съ нимъ въ другую комнату, развернулъ его и, увидавъ въ немъ аршина три чернаго сукна и пяти-рублевую бумажку, почесать за ухомъ, постоялъ немножко и, возвратившись къ челобитчицѣ, сказалъ:

— Приходи завтра, увидишься съ нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Чуркинъ уже зналъ о благопріятномъ исходѣ задуманнаго имъ дѣла и все поглядывалъ, не взойдетъ-ли въ корридоръ его жена. Но пришедшій затѣмъ смотритель сказалъ ему:

— Твоя жена проситъ у меня позволенія повидаться съ тобой.

— Не откажите, ваше благородіе, мнѣ надо съ ней о домашнихъ дѣлахъ переговорить, да распорядженія кое-какія дать, кланяясь, упрашивалъ Чуркинъ смотрителя Жданова.

— Хорошо, завтра я велѣлъ ей приходить.

— Покорнѣйше васъ благодарю, отвѣчалъ разбойникъ изъ-за рѣшетки.

Прошла ночь, въ продолженіе которой Чуркинъ обдумывалъ свои планы къ побѣгу. «Поднять рѣшетку», думалъ онъ, хотя и можно, но снестись изъ верхняго этажа на тюремный дворъ—рисковано. Надо придумать что нибудь другое, проще, благо смотритель податливъ. Съ такими мыслями онъ уснулъ на зарѣ. Вскорѣ его разбудилъ тюремщикъ, сказавшій, что къ нему пришла жена его.

Чуркинъ быстро поднялся съ своей койки, по-

дошелъ къ дверямъ и чрезъ маленькое отверстіе переговаривалъ съ женою. Тюремщикъ стоялъ въ это время въ отдаленіи.

— Ты скажи брату моему, чтобы онъ вмѣстѣ съ тобою побывалъ у меня, говорилъ разбойникъ женѣ своей.

— Пустятъ-ли его?

— Попроси смотрителя.

— Хорошо, сказала баба и ушла.

Братъ Чуркина былъ тоже мошенникъ первой степени и состоялъ подъ его командою, какъ главный головорѣзъ, готовый на всякія преступленія.

Съ этого дня жена Чуркина пользовалась всевозможнымъ снисхожденіемъ смотрителя; навѣщала его по праздничнымъ днямъ, дарила ему деньги, а затѣмъ уже допускалась по буднямъ къ мужу, да не къ рѣшеткѣ, а прямо въ камеру. Тюремщики, стоявшіе на часахъ, замѣтивъ частое посѣщеніе ея острога, останавливали ее и спрашивали:

— Ты къ кому?

— Я къ смотрителю въ гости, отвѣчала она.

Подъ такимъ предлогомъ она ходила болѣе недѣли. Однажды она наскочила на смѣтливаго солдата, который не хотѣлъ пропустить ее, но хитрая женщина и тутъ нашлась что сказать.

— Я кухарка смотрителя, объявила она тюремщику.

— Врешь, я сейчасъ справлюсь.

Доложили смотрителю; онъ велѣлъ ее пропустить, и съ тѣхъ поръ она сдѣлалась въ тюрьмѣ извѣстной и, подъ видомъ кухарки начальника тюрьмы, носила все, что только было можно, и никто ее не останавливалъ.

Чуркинъ сошелся съ смотрителемъ, какъ говорится, «по душамъ»: кушанья для него приготовлялось на кухнѣ смотрителя и подавалось ему отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ; смотритель самъ носилъ излюбленному имъ разбойнику водку, вмѣстѣ пилъ съ нимъ; словомъ, они сдѣлались неразрывными друзьями. Арестанты смотрѣли сначала на ихъ дружбу, какъ на обыкновенное явленіе, благодаря взяткамъ, а потомъ стали приставать къ смотрителю, требуя, чтобы онъ и имъ давалъ водки.

— Этого не полагается, отвѣчалъ онъ имъ.

— Какъ не полагается? отчего же Чуркину можно? кричали они.

Смотритель все таки отклонялъ разнымъ обра-

зомъ ихъ требованія, но однажды, войдя въ камеру Чуркина, сказалъ ему:

— Каковы мошенники, узнали, что я тебѣ водку доставляю!

— Кто это такое?

— Арестанты. «Дашь», говорятъ, «ему, такъ и намъ дай водочки-то».

— Нѣтъ, этого не дѣлайте; я хотѣлъ вамъ сказать, чтобы вы ко мнѣ перестали ходить, а то донесутъ, все будетъ потеряно.

— А на счетъ водки какъ же быть?

— Пришлите мнѣ веревочку подлиннѣе, я буду спускать ее въ форточку окна, а какъ вы привяжете къ ней посудину, я ее и подтяну къ себѣ.

Смотритель согласился на такое предложеніе, и съ этого дня, въ камеру разбойника пересталъ ходить, а водку передавалъ ему самолично чрезъ форточку.

Однажды жена Чуркина вошла въ тюрьму съ громаднымъ узломъ. Надзиратель тюрьмы, безсрочно-отпускной рядовой Платоновъ, встрѣтилъ ее въ воротахъ и проводилъ въ квартиру смотрителя. На возвратномъ пути, находившійся въ караулѣ за старшаго унтеръ-офицера уѣздной команды Кутансовъ, остановилъ Платонова и спросилъ:

— Что это за женщина, которую ты провожалъ?

— Это кухарка смотрителя, отвѣтилъ тотъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, жена Чуркина вышла изъ тюрьмы но уже безъ узла. Кутансовъ проводилъ ее глазами, думая: «здѣсь что нибудь не ладно», но только этимы и закончилъ свое наблюдѣніе.

Дружба смотрителя съ Чуркинымъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока послѣдній удовлетворялъ его подарками и деньгами. 27 ноября къ Чуркину пришла жена его съ братомъ разбойника; смотритель зналъ о томъ и, войдя въ корридоръ тюрьмы и увидавъ ихъ разговаривающими, накинулся на брата Чуркина и сталъ его выгонять изъ тюрьмы вмѣстѣ съ сестрою. Тѣ начали было ему возражать; тогда смотритель, разгорячившись, началъ бить бабу, затѣмъ нанесъ нѣсколько ударовъ кулакомъ по шеѣ брату Чуркина, выпроваживая его вонъ изъ тюрьмы. Чуркинъ въ это время сидѣлъ въ камерѣ и, узнавъ въ чемъ дѣло, крикнулъ смотрителю:

— Что вы деретесь, вѣдь деньги берете; такъ

поступать стыдно! Смотритель обругал Чуркина, выпроводилъ пришедшихъ къ нему жену и брата, а слѣдомъ за ними вышелъ и самъ.

Такъ рушилась дружба между смотрителемъ и арестантомъ Чуркинымъ.

Все, что происходило въ тюрьмѣ, донесено было высшему начальству, которое и назначило слѣдствіе. Смотритель Ждановъ, не желая давать никакихъ объясненій, скрылся неизвѣстно куда; исправленіе должности его было поручено полицейскому надзирателю Окшѣ Хайцевскому.

9-го декабря, арестантъ Гавриловъ, занимавшійся разноскою кушанья по секретнымъ камерамъ, по уходѣ посѣтителей, бывшихъ у арестантовъ, отправился собирать посуду изъ подъ кушанья. Подойдя къ камерамъ и не найдя при нихъ надзирателя Галюзу, который имѣлъ при себѣ ключи отъ казематовъ, Гавриловъ пошелъ его отыскивать; заставъ Галюзу обѣдающимъ въ особой комнаткѣ, онъ велѣлъ ему отпереть камеру для того, будто-бы, чтобы взять посуду.

Тотъ исполнилъ требованіе. Гавриловъ, войдя въ камеру Чуркина, окликнулъ его, но отвѣта не послѣдовало.

— Гдѣ-же арестантъ? крикнулъ онъ Галюзѣ, стоявшему въ корридорѣ.

— Дрыхнетъ, должно быть, отвѣчалъ тотъ, не входя въ камеру.

Гавриловъ подошелъ къ койкѣ арестанта; на ней дѣйствительно, какъ показалось ему, лежалъ арестантъ, накрывшись съ головой полушубкомъ, изъ подъ котораго виднѣлся сапогъ.

— Эй, ты, вставай! Вишь, съ какихъ поръ завалился! сказалъ Гавриловъ, взявшись за торчавшій изъ подъ полушубка сапогъ, который такъ и остался въ рукѣ его.

Гавриловъ поднялъ тревогу; встрепенулся весь караулъ тюрьмы. Въ камеру Чуркина собралось все начальство и увидало, что на постели, вмѣсто арестанта, лежалъ свернутый матрасъ, накрытый полушубкомъ.

По городу и по уѣзду въ погоню за Чуркинымъ были командированы полицейскіе служители; начальникъ воинской команды съ своей стороны, послалъ съ тою-же цѣлью нижнихъ чиновъ; даже пожарная команда занялась розысками разбойника. Въ уѣздъ были отправлены нарочные съ приказомъ задержать Чуркина. Словомъ, поднялась та-

кая суматоха, что весь городъ былъ въ страшной тревогѣ. Жители усилили за своими домами наблюдение, опасаясь, какъ бы Чуркинъ не надѣлалъ какой нибудь бѣды. Въ самой же тюрьмѣ произошелъ бунтъ.

1690. Очерки развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ.—1882—1860 г. Н. А. Полевой. В. О. Одоевскій. В. Г. Бѣлинскій. А. И. Герценъ. Н. А. Добролюбовъ и ихъ сподвижники. Сочиненіе А. Скабичевского. Санктпетербургъ. Въ типографіи А. А. Краевского. 1872 г.—Въ 8 д. л. VIII+512 стр.

Книга А. Скабичевского въ настоящее время почти не находима въ продажѣ и считается принадлежащею къ числу библиографическихъ рѣдкостей, такъ какъ всѣ экземпляры ея велѣно было уничтожить въ самый годъ выхода въ свѣтъ, т. е. въ 1872 г.

Въ началѣ книги помѣщено авторское вступленіе, гдѣ говорится слѣдующее:

Панегирическій и полемическій взгляды на эпоху сороковыхъ годовъ и ихъ несостоятельность.—Необходимость объективнаго обозрѣнія развитія нашей мысли и обращенія при этомъ вниманія на двѣ стороны процесса развитія.—Результатъ, къ которому должно привести такое обозрѣніе.—Содержаніе и объемъ моего труда.

Много уже было высказано всякаго рода мнѣній и сужденій о разныхъ дѣятеляхъ и литературныхъ явленіяхъ того періода лѣтъ, который обозначенъ въ заглавіи предпринятаго мною труда. Появленіе каждаго памятника, относящагося къ этому времени, каждой монографіи, трактующей объ этой эпохѣ, возбуждало не мало всякаго рода толковъ, споровъ и пререканій. Но надо обратить вниманіе на то, что до послѣдняго времени отношеніе къ различнымъ явленіямъ такъ называемыхъ сороковыхъ годовъ (эпохѣ, которая, собственно говоря, не ограничивается одними сороковыми годами, а обнимаетъ собою болѣе трехъ десятилѣтій) было почти исключительно или панегирическое или полемическое, и до сихъ поръ, несмотря на все обиліе издавнаго объ этой эпохѣ, врядъ ли вы найдете особенно много сочиненій, заключающихъ въ себѣ вполне объективные и безпристрастные взгляды. Это вполне естественно, если взять во

вниманіе, что эпоха эта такъ близка къ намъ, какъ вчерашній день, что хотя она и мннула, но идеи и многіе люди, принадлежащіе къ ней, продолжаютъ еще жить и дѣйствовать и, окруженные ореоломъ славы, вооруженные талантами, властію и вѣсомъ въ обществѣ, не перестаютъ еще съ слѣпымъ упорствомъ задерживать напоръ новыхъ идей и потребностей вѣка. Какому же быть иному отношенію, какъ не полемическому въ разгарѣ той борьбы, какая ведется до сихъ поръ между старымъ поколѣніемъ и молодымъ, или какъ обыкновенно говорятъ, между людьми сороковыхъ годовъ и шестидесятыхъ? Надо взять въ расчетъ и то, что не болѣе, какъ 15 лѣтъ тому назадъ, и полемическое отношеніе къ передовымъ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ было еще немислимо въ прогрессивныхъ лагеряхъ нашей литературы, а было естественно и даже необходимо одно панегирическое: въ то время противъ литературныхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ ратовали люди, боровшіеся съ ними еще при ихъ жизни во имя началъ, которыя и въ сороковые годы представлялись уже отжившими. Это

было время, когда фаза мысли сороковыхъ годовъ успѣла вполне опредѣлиться и закончиться, новая же фаза шестидесятыхъ годовъ только что началась и еще въ весьма неясныхъ, неопредѣленныхъ чертахъ рисовалась въ будущемъ. Гоголь, Бѣлинскій, Грановскій едва успѣли сойти съ поприща и на нихъ (кроме развѣ одного Гоголя) не отвыкли еще смотрѣть, какъ на дѣятелей вполне современныхъ, которые, если бы не сошли преждевременно въ могилу, то могли бы, не отставая отъ вѣка, продолжать писать и говорить въ томъ же направленіи, въ какомъ закончили свое поприще. Однимъ словомъ, къ нимъ относились еще такъ, какъ нынѣ мы относимся къ Добролюбову или Писареву. Такое отношеніе мы встрѣчаемъ въ «Очеркахъ гоголевскаго періода» («Совр.», 1856 г.), первомъ дѣльномъ и капитальномъ сочиненіи, посвященномъ этой эпохѣ и трактуемомъ объ одномъ изъ самыхъ передовыхъ дѣятелей ея—Бѣлинскомъ. Цѣль сочиненія—показать, какой великій и глубокий критикъ былъ Бѣлинскій, какое значеніе имѣлъ онъ въ свое время среди разнаго рода литератур-



Скабичевскій, Александръ Михайловичъ.

Знаменитый критикъ. Род. въ 1838 г. Снимокъ съ портрета, приложеннаго къ его сочиненіямъ, изд. Ф. Павленкова 1895 г.

ныхъ партій, окружавшихъ его, что онъ сдѣлалъ сравнительно съ предшествующимъ его временемъ, чѣмъ мы ему обязаны и что мы въ немъ утратили. Всѣ эти вопросы разрѣшены съ такою полнотою и обстоятельностью, что врядъ ли можетъ выйти другое сочиненіе въ этомъ родѣ, могущее соперничать съ нимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы не найдете въ немъ того, что въ наше время представляется вопросомъ первой важности: именно постановки дѣятельности Бѣлинскаго въ общій уровень развитія идей его вѣка сравнительно съ предшествующимъ и послѣдующемъ временемъ и, притомъ, идей не только эстетическихъ и литературныхъ, но моральныхъ и политическихъ. Если въ очеркахъ говорится и объ этомъ, то намекая только вскользь, и при этомъ берется въ соображеніе ходъ развитія европейской мысли вообще въ ея логическомъ процессѣ безъ принятія въ соображеніе въ то-же время общественныхъ условій, влияющихъ на различныя колебанія и направленія мысли; главное же вниманіе обращено въ «Очеркахъ», все-таки, на значеніе дѣятельности Бѣлинскаго, преимущественно литературное и эстетическое. Этотъ характеръ «Очерковъ» кромѣ разныхъ побочныхъ, целитературныхъ причинъ, обуславливается и тѣмъ, что передъ авторомъ не было еще послѣдующаго времени, съ которымъ онъ могъ бы сравнивать дѣятельность Бѣлинскаго въ связи съ характеромъ вѣка его; кромѣ того надо взять во вниманіе и то, что авторъ имѣлъ въ виду въ своей статьѣ достиженіе особенной специальной цѣли, прямо вытекающей изъ того времени, въ которое написана была эта статья. Въ то время имя Бѣлинскаго только что начинало выходить изъ мрака, въ которомъ до того скрывалось. Очень многіе не имѣли еще и понятія о томъ, что соединяется съ этимъ именемъ; другіе смотрѣли на него, какъ на имя дерзкаго литературнаго фразера и недоученнаго крикуна; третьи соединяли съ этимъ именемъ нѣчто такое криминальное, что одно упоминаніе о немъ на страницахъ журнала, да еще съ сочувствіемъ къ нему, считали крайне компрометирующимъ журналъ по отношенію къ благонамѣренности. Понятно, что въ то время дѣломъ первой важности было познакомить публику съ личностью Бѣлинскаго, какъ съ дѣятелемъ, едва сошедшимъ съ поприща и вѣяніе котораго отражалось еще на всей литературѣ, пропагандировать,

такъ сказать, его, и въ то же время защищать отъ нападокъ на неблагонамѣренность, чего вполне достигли «Очерки».

Совершенно такой же характеръ носятъ всѣ монографіи о разныхъ дѣятеляхъ сороковыхъ годовъ вплоть до 62 года, то есть, до начала реакціи. Таковы біографія Станкевича Анненкова, приложенная къ изданію переписки Станкевича, статья Добролюбова о Станкевичѣ, воспоминанія о Бѣлинскомъ И. Панаева и его же «Литературныя воспоминанія», «Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, біографическій очеркъ» Д. Свияжскаго и проч. Хотя въ это время новая фаза мысли шестидесятыхъ годовъ все болѣе и болѣе выясняется и опредѣляется, но люди сороковыхъ годовъ еще не выделяются изъ движенія, въ умахъ современниковъ сохраняется еще живая преемственная связь между эпохой сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ и отношеніе къ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ продолжаетъ сохранять характеръ панегирическій. Во всѣхъ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ писатели рисуютъ передъ нами дѣятелей сороковыхъ годовъ мужественными борцами и страдальцами мысли среди мрака невѣжества, окружавшаго ихъ, благоговѣнно вслушиваются въ каждое ихъ слово, спѣшатъ заявить о каждомъ фактѣ, характеризующемъ ихъ съ положительной стороны, и съ негодованіемъ относятся къ малѣйшимъ нападкамъ на ту или другую чтимую личность.

Съ начала реакціи отношенія къ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ подъ влияніемъ борьбы, возникшей между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, быстро мѣняются. Рядомъ съ прежнимъ панегирическимъ возникаетъ въ прогрессивныхъ лагеряхъ нашей литературы и отношеніе полемическое. Эпохи сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ начинаютъ становиться другъ противъ друга, какъ двѣ противоположныя крайности, между которыми лежитъ непроходимая пропасть, причемъ, гдѣ одни видятъ свѣтъ, тамъ другіе ничего, кромѣ мрака, не признаютъ. До какой степени утвердилось это полемическое увлеченіе, мы видимъ изъ того, что оно встрѣчается не въ однихъ только полемическихъ статьяхъ всякаго рода, каковы, напримѣръ, были тѣ статьи Писарева и Зайцева, въ которыхъ эти писатели говорили о Грановскомъ, Кудрявцевѣ, Бѣлинскомъ, Лермонтовѣ, но подчасъ и въ такихъ сочиненіяхъ, которыя по самому содержанію сво-